

Шэнь Чжися до того разозлился, что у него на лбу запульсировала вена. Крепко сжав кулаки, он выкрикнул:

— Вы просто зашли слишком далеко!

Не успел он договорить, как в дверь постучали, и та тут же распахнулась. В комнату вошел Цзян Яньцы. Его лоб был покрыт испариной, а растрепанные волосы липли к лицу. Взгляд его тревожно метнулся по комнате, и лишь когда он увидел Чжо Хуа на больничной койке, его напряженные плечи наконец расслабились. Он быстро зашагал к кровати, на ходу приговаривая:

— Где ты ранен? Сильно болит?

Преграждавшего путь Чу Ичэня он небрежно оттолкнул в сторону, и инвалидное кресло покатилося вперед. Если бы Чэнь Синье не среагировал молниеносно и не перехватил его, кресло наверняка врезалось бы в стену.

Цзян Яньцы принялся внимательно осматривать Чжо Хуа с головы до ног. Помимо травм на руках, на его чистой светлой коже виднелось немало синяков и ссадин.

Чжо Хуа с раздражением отстранился:

— Перестань трогать! И так не особо болело, а от твоих рук только хуже.

— Хочешь домой? — спросил Цзян Яньцы.

Чжо Хуа кивнул.

Трое мужчин в палате могли лишь молча наблюдать, как Цзян Яньцы, не говоря ни слова, подхватил Чжо Хуа на руки и широким шагом вышел прочь.

Шэнь Чжися с усмешкой поправил воротник, в его глазах полыхало нескрываемое недовольство.

— С кем я вообще соревнуюсь? Мой настоящий соперник — этот тип по фамилии Цзян.

Сказав это, он неторопливо разгладил складки на одежде, на губах его заиграла многозначительная улыбка, и он развернулся, взметнув полами пиджака.

Чу Ичэнь до белизны костяшек сжал подлокотники кресла; его челюсть напряглась, отбрасывая на лицо холодную тень. Чэнь Синье, стоявший в паре шагов у обшарпанной стены, ослабил галстук, и из его горла вырвался холодный смешок, смешанный с подавленной дрожью.

— Давай объединимся, — Чэнь Синье слегка кивнул в сторону Чу Ичэня. — Нельзя позволить этому мерзавцу заполучить Чжо Хуа.

— Цзян Яньцы действительно этого не достоин, — глухо отозвался Чу Ичэнь.

Прошла неделя.

Чжо Хуа смотрел на свои руки, замотанные бинтами так, что они напоминали цзунцзы, и внутри него ликовала радость. Благодаря этому ранению он целую неделю не ходил на работу. В школе он мечтал о каникулах, а начав работать — о пенсии. Если подумать, быть человеком — крайне невыгодное занятие: в юности ты занят учебой, а повзрослев — пашешь без выходных, и вся жизнь проходит мимо. А когда станешь старым и немощным, что с того толку?

При этой мысли у Чжо Хуа защемило в носу, и слезы невольно покатались из глаз. Раньше он был свободным духом персикового дерева, делал что хотел и когда хотел. А теперь... Те беззаботные деньки ушли безвозвратно!

Небесный император, погоди, я еще вернусь за тобой... Нет, лучше не переоценивать свои силы.

Чжо Хуа перестал шмыгать носом, поджал замотанные руки и, извиваясь на кровати, словно гусеница, наконец зарылся в одеяло, пробормотав:

— Все-таки спать — самое приятное занятие.

Вдруг со стороны окна раздался глухой стук. Этот звук заставил Чжо Хуа вздрогнуть всем телом. Он крепко зажмурился, его ресницы мелко дрожали, а мысли метались в темноте: я закрыл окно? Я запер его? Но ведь в этом районе должна быть отличная система безопасности!

Он лежал, боясь пошевелиться, сердце бешено колотилось, а глаза он открыть не решался. Сглотнув ком в горле, он попытался притвориться спящим, но уши невольно ловили каждый шорох, и от собственного сердцебиения пульсировало в висках.

— Чжо Хуа, ты спишь?

Горячее дыхание опалило ухо, а вкрадчивый голос ворвался в зону личного пространства Чжо Хуа. Тот резко открыл глаза и раздраженно бросил:

— Чу Ичэнь, ты больной, что ли?!

Лунный свет пробивался сквозь занавески, рисуя на постели призрачные серебристые пятна. Чу Ичэнь полулежал у изголовья, подперев голову рукой. На его губах играла беспечная усмешка, а верхние пуговицы рубашки были расстегнуты.

— Не злись так, — он слегка подтолкнул коленом сжавшегося в комок Чжо Хуа и, воспользовавшись моментом, придвинулся ближе, тесня его к краю.

Над головой раздался низкий смешок:

— Подвинься к брату.

Его пальцы, с отчетливо проступающими суставами, запутались в волосах на затылке Чжо Хуа, поглаживая их, а вторая рука мягко похлопала его по животу.

— Боялся, что тебе будет страшно спать одному. Не благодари, спи. Я здесь.

Его голос тянулся лениво, словно он успокаивал капризного ребенка.

Чжо Хуа молниеносно выбросил вперед забинтованные руки и вцепился Чу Ичэню в горло. Тот послушно запрокинул голову, продолжая небрежно улыбаться, и из его горла вырвался хриплый смех:

— Пытаешься убить собственного мужа?..

Чжо Хуа был шокирован такой наглостью:

— Не носи чепухи!

Снова началась борьба, сопровождаемая градом вопросов.

— Почему не отвечал на сообщения?

— Ты издеваешься? У меня руки в таком состоянии, какой телефон!

— А почему не выходил?

— Я домосед, нельзя? Хочу лежать дома до скончания веков, тебе-то что?!

— Мог бы хотя бы позвонить!

— Ты псих! Мы виделись-то пару раз!

— А я думал, мы уже друзья.

Чжо Хуа приподнял бровь, глядя, как рука Чу Ичэня пробирается под его одежду.

— Друзья?

— Хорошо, признаюсь: я просто хочу твоё тело.

В тот самый момент, когда Чжо Хуа замахнулся, чтобы дать ему пощечину, в дверь постучали, и раздался голос Цзян Яньцы:

— Чжо Хуа, ты спишь?

В то же время Чжо Хуа глухо простонал — его достоинство оказалось под угрозой. Его шея напряглась, челюсти сжались, и он бросил на Чу Ичэня свирепый взгляд. Лунный свет падал на их сплетенные фигуры, высвечивая гнев в глазах Чжо Хуа. А Чу Ичэнь, нависая сверху, полуприкрыл глаза, его губы кривились в развязной ухмылке, а в горле клокотал торжествующий смех — вылитый атаман, захвативший крепость.

— Чжо Хуа? — продолжал стучать человек за дверью.

А человек сверху продолжал свои угрозы.

Чжо Хуа в конце концов сдался:

— Цзян Яньцы, я уже сплю, чего ты меня будишь?!

— Извини, у тебя в комнате все в порядке?

— Да!

Чжо Хуа стиснул зубы так, что едва не прикусил губу, сдерживая рвущийся наружу стон. Прилив жара поднялся от кончиков ушей к шее, кожа в лунном свете влажно поблескивала.

— Тогда я пойду? Если что-то случится — зови.

— Угу.

Чу Ичэнь больше не мог сдерживаться и припал к губам, о которых мечтал все это время.

— Я внизу, это не больно.

А в это время Цзян Яньцы, вне себя от ярости, достал телефон и позвонил в управляющую компанию. Он кипел от злости: платить десятки тысяч в месяц за обслуживание и получать такой результат?! Если бы Шэнь Чжися не перелез через стену и не пробрался в его комнату, он бы и не знал, что охрана в этом жилом комплексе ни на что не годится. Лучше бы собаку завел.

Особенно когда тот парень постоянно выкрикивал имя Чжо Хуа — черт!

Надо было всыпать ему еще сильнее!

<http://bllate.org/book/18787/1824505>